

О дедах-священниках, дяде, знакомом с Хармсом, и о том, как постоянные командировки спасли отца от расстрела

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1592>

18 ноября 2012

Собеседник

Благодатов Николай Иннокентьевич

Ведущий

Скляревская Инна Робертовна

Дата записи

Беседа записана 18 ноября 2012 и опубликована 23 января 2013.

Введение

Первая беседа посвящена семье Николая Иннокентьевича. И как всякая семейная история в нашей стране, это история чудес и трагедий. Он рассказывает о расстрелянных дедах-священниках, один из которых был близок к патриарху Тихону, о дядьях — музыковедом Георгии, который был дружен с Хармсом, и хирурге Ростиславе, приговоренном к расстрелу, но милостиво отправленном в лагерь; и об отце, крупном топографе, чью жизнь спасли постоянные командировки. Это рассказ о характере и специфике государственного террора.

Николай Благодатов: Семья-то, у меня, как полагается, с двух сторон: папа и мама. Со стороны папы дед был священником, отец Иоанн Благодатов, родился он в Сибири, но, правда, у него где-то записки есть, что их туда выселили когда-то, ещё в старые царские времена. Так что он где-то был отсюда, но потом вот какие-то поколения были в Сибири. Он в Ачинске, по-моему, тогда работал, кончил Красноярскую, видимо, семинарию, и там служил. Потом решил получить уже высшее образование и поехал сюда. По-моему, он приехал в одиннадцатом году сюда, в Петербург, и здесь кончил уже... Уже он приехал с женой и с двумя детьми: старшим Георгием, искусствоведом, музыковедом будущим, и с моим папой – Иннокентием. А Иннокентий, все сразу определяют: а, значит, сибиряк потому, что там все Кешки. Иннокентий Иркутский там пользовался очень популярностью большой, и очень многих детей называли Иннокентиями в Сибири. И, как Иннокентий, так ищи корни: Иркутск, Красноярск, где-то там. Кешки всё, Кешки, Кешки. Ну вот, и папа тоже оттуда, из Сибири, Кешка. Дед приехал сюда с двумя детьми и с матушкой – Клеопатрой Акимовной, здесь фотография есть, красавица ужасная была. Вот дед, отец Иоанн, вот и бабка, Клеопатра Акимовна. Вот. Тут написано, я и забыл, это вот как раз с сыном, в тридцать пятом году, это она подарила.

Скляревская: Значит приехали в Петербург...

Н.Б.: Да, сначала, по-моему, служил на Смоленском кладбище первое время, у него где-то есть записки, я отдал своему двоюродному брату, он помоложе, и там посвободнее, в смысле места. У него есть воспоминания дедовы. Потом Антонов их когда-то переписывал. Знаете Витю Антонова, наверное? Он такой, тоже в священнической среде как-то вот. Православие там тоже что-то такое у него. Такой он искусствовед был сначала, а потом стал при церкви что-то такое, забыл... Редактором что ли. Он хотел в Епархиальных ведомостях дедовы опубликовать воспоминания, потому что там о патриархе Тихоне много интересного, об обновленчестве. Он был одним из четырёх священников, которые принимали покаяние у обновленцев. Четыре было назначено по Петрограду тогда священников, которые принимали у обновленцев, ну, принимали их назад. Так вот он жил. И вот Мануил [Лемешевский – прим. ред.] о нём что-то упоминал. Потом он в этой церкви служил, вот фотография, это Крестовоздвиженская община, она на Фонтанке, у Калинкина моста, может быть, помните, там есть больница Чарновского? И вот так один корпус явно церковного вида. Там купола нет, и фреска замазана, там церковь, и там я в баскетбол играл, потому что это было общежитие нашего Института как раз, и там был спортивный зал в церкви. Мы там гоняли в баскетбол.

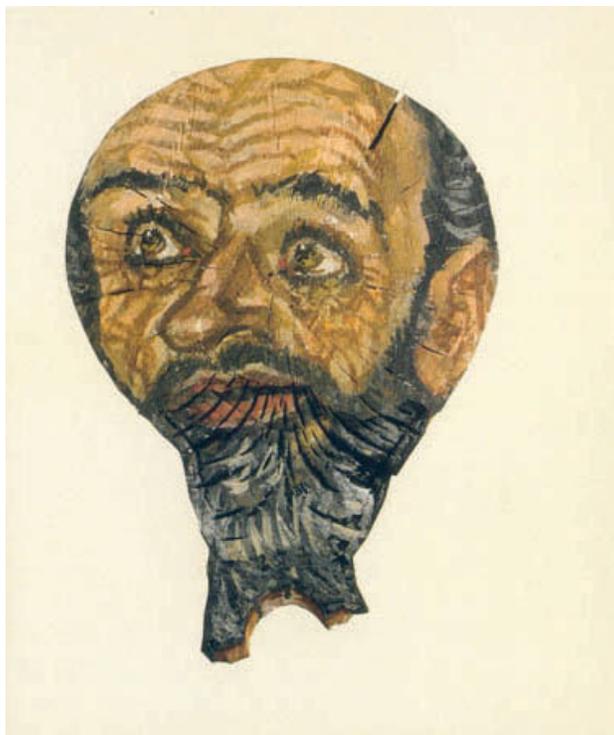
С: А вы знали, что там служил дед?

Н.Б.: Может, и не знал. Не знаю, не помню. Ну, тогда это было как-то наоборот это всё. Ну, короче говоря, это вот церковь, где вот он. Это Мануил ему подарил, епископ Мануил был там. Надо бы туда отнести, показать тамошнему начальству, может, будет интересно. *(Показывает на стены)* Это вот папа, мама, это вот церковь, внутренний вид. Вот, он там работал. Потом у него были всякие репрессии, не очень серьезные. Второго-то деда, тоже священника, расстреляли вообще, со стороны матери.

С: А тот кто был?

Н.Б.: Тоже был священник.

С: Где?



Алексей Штерн. Николай Благодатов.

Н.Б: В Горьком. Второй дед родился в селе Павлово, под Горьким было такое село большое, сейчас он город Павлов, хороший, известный город. Это уже со стороны матери. Где-то есть фотографии, но я уж не полезу искать. Этот отец Иоанн – его гоняли куда-то там по ссылкам, но ссылки были не слишком серьезные, там этот вот, под Ленинградом – Лодейное Поле, такие вот. В Новгороде он служил на Волотовом поле – гениальная эта церковь, в которой там фрески, она погибла, так вот он служил до войны там, прямо в этой церкви, со всеми этими фресками 14-го века. А потом, с войной он сюда, и служил ещё он в церкви Михаила Архангела, её снесли. Это Аларчин мост, если представляете, то там если в глубину напротив пройти, то там такая площадь есть пустая, ограниченная каналом и Английским проспектом, а с той стороны какой-то, Дровяной, что ли, переулок. А в центре там такая площадь, садик там сейчас. Тон строил, архитектор Тон, à la russe. Там была Михаила Архангела церковь, там дед тоже служил. Потом уже он в блокаду служил в Никольском Соборе. И там его отпевал будущий патриарх Алексей, Симанский, который, Алексей I. Отпевал его, и сейчас его могила на Волковом кладбище, я, к стыду своему, редко там бываю, вот в этом году ещё не был. Там кто-то немножко следит: может, там написано – священник, может там от церкви кто-то такой прибирает немножко... Во всяком случае вот так вот. И этот дед, отец Иоанн, он умер в конце сорок первого года, от воспаления лёгких: там влетел в окно осколок, и выбил все эти ухищрения их от зимы, всякие матрацы, доски. Окна-то у всех повылетали в войну, стёкол, конечно, не было. Поэтому окна забивали чем попало: мебелью, досками, фанерами и т.д. У них тоже, зима была суровая, 30 градусов, мороз. А топить было особенно нечем, книгами там. Да. Вот они эти окна чем-то залатали, и, как назло – здоровенный такой, дядюшка показывал, с полпальца величиной осколок. И выбило там всё это хозяйство. И тут же, через несколько секунд там тоже стало уже не 6 градусов тепла, а минус 20. Конечно, он тут же простудился, а ещё голод к тому же. Ну, все – помер. Похоронили его на Волковом кладбище. Вот вся история. А детей у них было трое. Бабушка выжила, она была медсестрой в больнице, а родили они трёх детей: Георгия Ивановича – музыковед он потом стал, кстати, приятель Хармса был, и Хармс его ценил как исполнителя. Письмо есть даже такое, где он про него рассказывает, про Георгия Ивановича. Он книжку «История симфонического оркестра» написал, вот она у меня тут. Дирижёр, дирижировал... Человек замечательный, он на меня во многом

повлиял. И библиотека... Ещё от деда библиотека, в общем, много интересного. Второй был мой папа, Иннокентий, средний, он был топограф по образованию, а тот кончил музыковедческое, Институт Истории Искусств, или, как его тогда называли Институт Испуганных Интеллигентов. А третий был Ростислав, который в шестнадцатом году родился уже здесь, в Ленинграде, когда уже они с матушкой приехали сюда. Славик родился замечательно талантливый врач был, но так повезло, что всю жизнь был по тюрьмам. Потому, что как только кончил институт, тут же война началась. Двадцать второго он кончил, двадцать второго уже и началась. Июнь-то, как раз конец занятий, дипломов, двадцатые числа июня – это как раз вот защита дипломов идёт и так далее. А двадцать второго началась война. Он сразу попал на фронт, правда, в качестве врача, не на убой, это художников там всех поубивали, а врачей старались по специальности использовать. Вот его послали на финский, правда, фронт. Это ему повезло, потому что там его взяли в плен, а у финнов плен был чуть полегче, они евреев прятали от немцев. Когда приезжали дружеские визиты, немцы, они там коммунистов, евреев, всех куда-то прятали, чтоб на глаза не попадались. Тоже, конечно, условия были тяжёлые, но тем не менее. И дядюшка этот, Ростислав, там был хирургом тоже, в плену, так что тоже было чуть привилегированное положение. Но когда сюда вернулся, его тут же арестовали и заставили подписать всю эту 58-ю статью, все эти преступления: и покушения на Сталина, и переворот там. Целая статья, которая перечисляет всякие такие.

С: Он что подписал? Какое именно...

Н.Б.: Всё! Да, ему сказали, что его маму будут пытаться при нём, это его сломало. Так он выдерживал всё это: пальцы когда ломали, спать не давали, били. Всё это он как-то выдерживал. Но потом они нашли к нему, естественно, подход, он маму любил очень. Так он сказал: «Подпишу, конечно, всё». Его приговорили к расстрелу, потом выдержали паузу и сказали – забыл я формулировку, – что в связи с чем-то... В общем, 25 лет. И послали на Воркуту. Он тоже попал в сравнительно привилегированное положение, стал там хирургом, врачом, доктором. А там и спирт, и всё рядышком. Так что он там ничего, выживал. И там он отсидел с 45-го по 56-й, 10 лет. Приговорили к 25-ти, но, к счастью, Сталин умер и, в 56-ом, когда Хрущёв всех отпускал, он отпустил и дядю Славу. Я помню прекрасно его возвращение, ему там золотые горы сулили, на Воркуте, чтобы он остался главврачом, там всё, но, конечно, он не остался, поехал сюда. Попытался здесь наукой заняться, но уже не хватало у него уже пороха. Он просто лечащим врачом был, что-то преподавал немножко и т.д.

С: А как он вернулся? Вот вы помните его возвращение, расскажите, пожалуйста, Вы встречали его на вокзале?

Н.Б.: Да, вот поезд приехал, вышел, обнялись, всё.

С: Какой он был, что вы запомнили, Вам сколько лет было?

Н.Б.: Ну, двадцать, где-то так. Сухой, подтянутый, красивый. Он был ещё такой немножко чистоплюй. Он рассказывал: 58 статью снимали так же легко, как и давали. Буквально, сидит там тройка эта. Вызывает: «Готовил теракт против Сталина»? «Не готовил». «Вычёркиваем». «Возглавлял банду какую-то»? «Не возглавлял». Вычёркиваем. «Агитировал против советской власти»? Он говорит: «Да я вообще не агитировал, но иногда выражал некоторое недовольство некоторыми...» «А! Значит оставляем». И ему припаяли, что он не реабилитирован, а амнистирован. То есть, его помиловали: он хоть грешен, но так и быть, как бы мы тебя... Ни зарплаты, ни квартиры, ничего. Тех, которых реабилитировали, им хоть какой-то угол давали для жилья. А ему ничего. А он потом несколько лет ходил с этой статьёй несчастной, снимал с себя. Угроздило ляпнуть такое. А те тоже: говорят, агитировал – значит, оставляем пункт «Б» какой-то там, что агитировал против советской власти. А раз агитировал, значит виноват, а раз виноват, значит, совершенно по-другому... Вот, это третий брат был... А папа только месяц отсидел, как раз у него повезло. Вот когда снимали Ежова, и Берия пришёл и тут же начал такие, как бы послабления, и поотпускали несколько, немножко. Потом, их, правда, говорят, всех снова забрали, но у папы была такая дикая специальность – топограф, и он по тундре, по пустыням, снимал – карты делал. Ну, и, конечно, эти же все, негодяи, они были и ленивы, и по-настоящему, чтоб арестовать какого-либо человека, если бы надо было шевелиться, так они... Ну, в «Гулаге» это есть, они хватали первого попавшегося, и все,

а папашу пойдти найди – в Каракумах он там карты делает. Ладно. Так он как-то обошелся. А дядя Гоша тоже как-то вот обошлось: повезло. Вот это три брата. А Иннокентий – он средний был. Это вот папашина линия, а мамашина линия там тоже любопытная. Они откуда-то из-под Нижнего. Там получилось так, что служил её прадед или дед, это я сейчас не буду вспоминать. В общем, то ли прадед, то ли дед бабки, уже не этой, а той, со стороны мамы, он здесь служил офицером. Это, по-моему, при Александре II ещё было. И случилось так, что – ну, тогда все занимались немножко искусством, а он пел неплохо. Ну, и там в салоне, в гостиной романсы попеть – это было очень принято. И вот – неплохой голос, – он пел. И случилось, что заболел один артист, который пел запевалу в опере «Иван Сусанин», тогда она называлась «Жизнь за царя». И эта «Жизнь за царя» ставилась ровно в открытие сезона каждый год, и государь обязательно на ней присутствовал. И тут, прямо накануне, вдруг заболел этот вот артист, который запевалу пел, в самом начале, помните: «В бурю ль, во грозу...». Что делать? Завтра уже опера, государь будет – надо найти замену, искали, искали, и про деда вспомнили. Говорят: «Давай вот, посиди ночью, поучи партию». И всё, он в следующий день выступил, спел, всё нормально.

С: Это какой год?

Н.Б: Забыл уж я. То есть и не знал, наверно, это бабка мне рассказывала. А государь учуял, что артист-то не тот, они же всё-таки знали. «Кто такой?» «Да вот, офицер гвардии, тут служит у нас, в Петербурге». «Взять в Капеллу!» (*Смеется*) И таким образом он попал в Капеллу, и с тех пор уже капельской стала семья, и до сих пор я ещё дом – показывал даже окошко Раечке, где они все родились. То есть, бабка родилась уже моя, а умерла в сто лет. Причём совсем она не на Кавказе жила, в чистом воздухе, и не питалась каким-то козьим молоком. Страшная жизнь, здесь, впроголодь, в Ленинграде и т.д. Так и у Раи мама тоже блокадница, и тоже лет 98 ей – померла.

Раиса Благодатова: Девяносто восемь.

Н.Б: Вот такие тётки были. Ну, вот, это я в сторону. Одним словом, так семья здесь жила, и бабка родилась во втором дворе Капеллы, и мама в этом же дворе Капеллы родилась. В общем, капельская семья была. Там пели все в Капелле. Это считались придворные, так же, как служащие при дворе, так это и капельские: кто пел, там тоже считалась челядь своего рода, служащие при дворе. И даже Свиридов за бабкой ухаживал, – нет, не Свиридов – Свешников, хормейстер-то, за ней ухаживал...

Р.Б: По-моему, Андреев – ты говорил: Василий Андреев!

Н.Б: Нет, нет, Свешников, это хор Свешникова, бабушка это рассказывала мне. Ну, она помнит еще даже и Балакирева, он там, в Капелле, руководил какое-то время. Милия Алексеевича очень любили, конфетками всегда, говорит, нас угощал, а Римского не любили – потом, когда Милий Алексеевич ушел, а Римский стал директором капеллы. Он сухой был, с детьми там не заигрывал, пройдет и все, а Милий Алексеевич то играет там во дворе, погладит, конфетки даст и т. д. Вот такие были воспоминания у бабушки.

А замуж она выскочила как-то всем назло, тоже вот из Павлова там, священник, отец Николай, у него какие-то татарские крови были, почему у меня тоже такой вид немножечко татарский, наверное оттуда, из тех. Потому что мамаша тоже была, как татарка: чернявая такая вся, а тетя Нина, вторая дочка, была, наоборот, с европейским таким носом – горбатеньким, так что непонятно как это все распределяется в ней. И выскочила она замуж за этого отца Николая – тоже священник был, и вот они там народили двух дочерей зато: маму и более младшую, тетю Нину. Ну, как-то я не понял, как они там жили, но интересно: он, например, принимал участие в отпевании Римского-Корсакова, в Троицком соборе, отец Николай; это отец Иоанн, а это отец Николай, ну это как-то я со временем недопросёк как следует – не знаю подробностей. Но помню, что в революцию – а они все родились до революции, эти мамы, а в революцию они оказались где-то на Украине, в Миргороде что ли, потому что разбежались из Петербурга и из Москвы, разбежался народ, здесь была голодуха, и все куда-то стремились уехать, тяжело было прокормиться, и вот они уехали в Миргород, а жили там где-то до 20-х годов, а в 20-е годы, бабка рассказывает, как начались когда гонения первые на церковь, секретарь райкома, еврей, стучит ночью деду в окошко и говорит: «Отец Николай, завтра придем Вас арестовывать!» И они собрались ночью и ушли куда-то. Обошлось.

Но потом в тридцать седьмом не обошлось, за неделю до моего рождения деда расстреляли. Но все время волынили – в смысле, сказать об этом: арестовали его значит в 37-м, а потом бабка все передачи там, то да се, потом вопросы, потом наконец сказали, что в 43-м он умер от воспаления легких. Ну, наконец, тогда вроде как-то прояснилось: умер. Потом еще какое-то вранье было, и только вот в новое время маме пришел квиток, где то он у меня есть, что «Сообщаем, к сожалению, что Ваш отец был расстрелян 22 декабря 1937 года». А я родился 31 декабря.



Анатолий Заславский. Раиса и Николай Благодатовы.

С: А в каком году пришел квиток?

Н.Б: Ну, вот сейчас уже, в перестройку, где-то в начале 90-х, или в конце 80-х может быть: ну, когда уже свобода началась. Ну, вот что о семье – тетя Нина замуж так и не вышла, её жениха тоже арестовали, и она так всю жизнь его и прождала, потому что никаких известий, ничего: схватили и увели, и все, а она все ждет, ждет, ждет, война уже кончилась, а его все нет, и нет, и нет, и нет... Так она старая дева и померла. Вот. Толик, по-моему, его звали. А мама вышла замуж за Иннокентия Ивановича, они вместе в гимназии, это Пятая гимназия на углу Английского и канала Грибоедова, дом такой. Сейчас там нет школы никакой, а это была Пятая гимназия – вот, у меня даже украдена книжка, вот видите, старая вот лежит, там штамп есть: Пятая гимназия. Видать читали, осталась, а там революция и все закрыли, и не возвращали.

Р.Б: Так не украдена!

Н.Б: Пятая гимназия... Ну вот. И так жили до блокады, в блокаду папу не взяли на войну, потому что он был как бы в военной специальности: изготовление карт тогда считалось как бы военной специальностью, от передовой его избавили, зато всю войну он где-то по границам с Ираном, помню, еще где-то, вот они там карты снимали. А из-за этого нас вывезли из Ленинграда еще до блокады – до закрытия блокады, точнее: поездом уехали нормально. Папу, и маму, меня, и бабу – всех можно было вывезти, как особо важные такие специальности, и папу отправили в тыл при съемке карт, а мы оказались в Свердловске – это сейчас Екатеринбург. Папы абсолютно не помню, так что он, видимо, все время был на съемках, может быть даже никогда не появлялся, тогда же были отменены отпуска и выходные: в связи с войной не было ни отпусков, ни выходных, поэтому папа, видимо, никогда и не приезжал, всегда где-то болтался, а так как это было далеко, – если бы это было где-то в пригороде, то он мог бы смотаться, на какой-то один день, а так, если из Средней Азии тащиться сюда, да еще поезда ходили там по две недели. То есть, естественно, я его не видел. Мама тоже работала очень много, а тетя Нина здесь блокаду прожила. Не всю блокаду: самую страшную зиму она здесь пробыла, а потом её как дистрофика отправили все-таки туда, и она пришла, и вот бабушка – эпизод, помню, рассказывала мама: бабушка сидит у окна, там, в Свердловске-то, и говорит: «Ой, малышка, смотри, какая страшная нищенка пришла, выйди и дай ей хоть кусок хлеба». Не узнала собственную дочь. Вот она вернулась, т.е. не вернулась, а ее вывезли, адрес она знала, и по адресу пришла к нам домой – тетя Нина. А Раечка вот – блокаду всю отбухала, ей сколько ж – четыре года было, или пять, ну вот, как она вспоминает, как она опоздала в бомбоубежище и там с горшком простояла в полуподвале, в парадной, всю бомбежку.

Р.Б: Это я сама потом расскажу – эпизод, конечно, на всю жизнь.

С: А где вы жили в Свердловске, вас поселили куда?

Н.Б: Ну, сначала мы жили на улице – Вайнера, по-моему, она называлась, и там мы жили несколько семей в одной комнате, ну там были занавески такие, и у каждой семьи были там...

С: Чужие семьи?

Н.Б: Да, конечно, случайные! Вселили, да еще не одну семью, а несколько, поэтому там такие вот занавесочки и все. Ну, как-то у меня воспоминания довольно хорошие, но зато тетя Нина потом купила белую булку, до сих пор я вспоминаю это как самое величайшее лакомство, я даже не подозревал, что существует белый хлеб, и вдруг она уже где-то в конце войны принесла мне белый хлеб, это было невероятно вкусно. А с яблоками до сих пор я не в ладах. «А что ты, говорят, яблочко не возьмешь?» – а ведь раньше на елках не просто игрушки были, а вешали конфетки, печеньице, значит, ниточку продевали, и вся елка была увешана такими конфетками, печеньем, яблочками и так далее, ну вот кто-то и спросил: «А что ты яблочко не возьмешь?», а я говорю: «Разве можно их есть?» Но это не я сам помню, это мне рассказывала мама. Ну вот, она там что-то преподавала, ну а я там, естественно, с бабушкой сидел. Потом приехали сюда в Ленинград после блокады, и вот, помню, как эти окна забиты фанерой – поразило, чтоходишь в комнату и темно так.

С: А квартира ваша сохранилась?

Н.Б: Да, бабушка жила в этой квартире, вторая. Квартира была, конечно, коммунальная, у нас там было три комнаты, а там еще остальные 7–8 комнат были другие семьи, другие жильцы, и так мы жили даже и когда с Раей поженились, еще в коммуналку въехали, только потом когда она забеременела, она решила: надо отдельную квартиру. Я говорю: Какие деньги, ты что! А она: Как-нибудь образуется, и пошла беременная записываться. А тогда было не так просто, надо было чуть ли не ночь отстоять в очереди, чтобы записаться на кооперативную квартиру, ну вот, значит, она пошла и отстояла там, записалась, потом через некоторое время ей присылают квиток: «Приходите выбирать квартиру». Ну, здесь поджилки, конечно, затряслись от волнения; пришли в какую-то контору там по стенам кальки, синьки, тогда это чертежи такие, и значит вот: выбирайте. И вот мы метались, однокомнатную сначала мы взяли, помню 19 тысяч надо было, по-моему, платить...

С: Нет, цены были тогда другие....

Р.Б: Эпизод был такой: через какое-то время, после того как мы уже въехали в эту квартиру, по-моему в 1-й или 2-й год, я пошла в Пассаж, что-то там покупать, и шла мимо мехового отдела и в витрине стояла шуба, норковая шуба, которая стоила 5600, для меня эта цифра показалась жуткой, потому что наша 2-х комнатная квартира, стоила 5300, вот это я запомнила, поэтому не 19000, ты просто забыл, а 1900.

Н.Б: Ну, потом мы быстро расплатились, естественно мамашам ничего не отдали, ну, а друзьям отдали, а мамыши значит нам одолжили якобы, но на самом деле мы им так ни копейки не вернули, ни Елене Петровне, ни Марье Николаевне, конечно это не слишком было, но все равно они там напряглись, как полагается. И вот когда мы быстро расплатились через год, а потом решили в 2-х комнатную, пришли опять в контору.

С: Какой был год, однокомнатной?

Р.Б: 70-й.

Н.Б: Потом, значит, решили: «Давай попробуем 2-х комнатную», дом только начал строиться, тысячеквартирный, и в конторе сказали, есть еще несколько свободных квартир, выбирайте, вот выбрали эту и расплатились довольно быстро, я в кассе взаимопомощи брал, как полагается, но ели мы конечно горох и гречневую кашу, гороховый суп без мяса и гречневую кашу.

Р.Б: В представлении Коли быстро...

Н.Б: Год!

Р.Б: ...а в моем представлении это 20 лет, мы платили каждый месяц какую-то сумму, по-моему 30 рублей платили каждый месяц, и так в течение 20 лет, и были такие эпизоды, когда нам 13 копеек на булку не хватало, ну и вот так вот жили. Скромно, скажем.

Н.Б: Ну вот это бытовая сторона.